

1983, № 26, 50/51

Я БЫЛ одним из первых артистов кино, побывавших на КамАЗе.

Что же самое интересное там? Что поражает людей? Сначала, конечно, масштабы строительства на тихой этой реке Каме. Теперь здесь все разбужено стройкой. Уже живет, дышит город.

В гигантской стройке всегда мне чудится что-то космическое. Размеры ошарашивают. С удивлением и завистью смотришь на тех, кто ходит по этому царству Гулливера словно бы в рост ему: по вознесенным к небу конструкциям — как по паркету, под небесами — как под парусами. И впрямь белоснежные силуэты рождающегося города плывут в небе, как паруса. Паруса над Набережными Челнами. И все это сделали люди, наши обыкновенные советские люди.

...Как всякая грандиозная стройка, КамАЗ — это явление не только техническое, но и нравственное, это слом представлений, норм общечеловеческой морали. Ведь не только люди создают стройку, но и стройка создает людей, формирует их, как горячий металл. А люди здесь собрались разные — из села и из города, из маленьких поселков, с фабрик и из колхозов, с образованием и без. Есть такие, что приехали сюда за длинным рублем, а есть такие, которых повела в дорогу романтика. Иногда книжная романтика, такая, что частенько жухнет и вянет от первых заморозков, от первых трудностей.

А вокруг КамАЗа еще исконные сельские места, колхозы, совхозы. И здесь тоже судьбы, слагавшиеся десятилетиями, общественные хозяйства — крепкие, с таким трудом налаженные в послевоенные годы.

И вот теперь какую-то деревню перенесут на новое место, какую-то просто затопит новое море Камской ГЭС. Кого-то сделают горожанином, камазовцем, дадут добротную городскую квартиру. А кто-то останется по-прежнему на земле. Но, конечно, это будут уже как бы и не деревни, а своего рода агрогородка с комфортабельными домами и огромными животноводческими комплексами.

«Прямо как в сказке» — скажут. Нет, эту «сказку» сейчас подгоняют по планам, по срокам, по трубам, по бетону, по кирпичу. Она уже не только в калыках и синьках — на земле прорезывается. Но дело-то ведь не только в масштабах и планах, а в людях — в том, как много им в себе менять предстоит. Как здесь не вспомнить знаменитую дождиковскую «Поэму о море» с ее светлой, величавой надеждой, разливающейся по сердцам, как заря по небесам! С ее трудными раздумьями, с ее чуткостью к сердцу и судьбе народной!

Да, КамАЗ — это люди. Люди, которые хотят увидеть

ПАРУСА НАД НАБЕРЕЖНЫМИ ЧЕЛНАМИ

Николай КРЮЧКОВ,

народный
артист СССР

плоды своего труда. Которые строят не на день, не на два, но на десятилетия, для будущих поколений.

Мысленно я сравнивал эту нынешнюю стройку семидесятих годов с теми, довоенными, на которых в свое время пришлось побывать. Ведь я был и в Комсомольске, снимался там в одноименном фильме Сергея Герасимова. Что общего в этих стройках — нынешних и того времени? И какая разница между ними? Общее — это молодой энтузиазм. Меня, признаюсь, радовало это сходство, в нем виделась мне преемственность бурных 30-х годов с нынешним временем.

Но есть и большая разница. Ведь, по сути говоря, Комсомольск строили вручную. Вгрызались в тайгу зубами, руками, лопатами.

На КамАЗе сегодня современные, сложнейшие механизмы, которыми управляют образованные, высококвалифицированные люди. Здесь труд научно организован. Одним словом, разница — это как раз те 30—40 лет, что прошла наша страна в своем техническом прогрессе.

И вот, размышляя об этом, прихожу к выводу, как мы, деятели искусства, однако, отстаем от жизни! Формула, набившая оскомину, но ведь иначе и не скажешь. Как долго мы воспитывали нашего зрителя на образцах энтузиазма тридцатых — сороковых годов, хотя речь в этих фильмах шла о пятидесятых и шестидесятых! Пожалуй, никто так долго, как кинематограф, не зажил в таежных палатках, бурно восхищаясь тем, что как раз должно было бы уже — в эти годы — и насторожить, и заставить задуматься.

Отсюда же рождался и тип героя — этакий неустроенный, хлипкий мальчик, непременно с гитарой, для которого, увы, тайга или далекая стройка никак не видела, а лишь лирическим полустанком на дороге исканий.

Герой рождался умозрительно, конструировался из знакомых представлений ар-

батских улочек и переулков и весьма искусственно пересаживался на таежную натуру. Бывали такие? Бывали, конечно. Но ведь то, что «бывает», это еще не то, что обязательно должно быть, что выражает суть Времени.

Со зрителями КамАЗа я встречался и в кинотеатре, и в общечеловеческой. Общечеловеческой строителей, в котором мне пришлось выступать, — это современный комфортабельный дом, где живут по двое, по трое в комнате. Меня особенно растрогало, что ребята сами оборудовали зал, киноаппаратную. Было где показать фрагменты из фильмов, побеседовать с людьми.

И вот здесь, в беседе, признаться, я заметил, что далеко не все в нашем сегодняшнем кино удовлетворяет людей. Известно, что фильмов сейчас выходит гораздо больше, чем раньше. Есть среди них и отличные работы. Но среди этих фильмов почти не назывались картины на рабочую тему. Да и много ли у нас таких картин, где ставились бы вопросы, волнующие именно этих людей: как в труде закаляется человек, как он корчует в себе старое, как трудно рождается новое? Конечно, КамАЗ — город молодой, о нем фильмов еще не может быть, но такими стройками сейчас кипит вся страна. Есть что посмотреть, есть чему поучиться у жизни. У нас же в фильмах обычно, если и наличествует большая стройка, она, как правило, проходит лишь фоном, не являясь нервом, основой картины.

Мне кажется, одна из основных причин здесь состоит в том, что кино утрачивает элемент действия. Конечно, слово — великая вещь. Но не слишком ли мы заменили словом действие — основу любого искусства, а кино прежде всего? Слово заполонило экран. Под это подводится масса теорий, убедительных и не очень. Между тем у кино неограниченные воз-

можности в **показе**, а не только в **рассказе**. Мне кажется, здесь должен наступить какой-то перелом.

По правде говоря, мне думается, что и не так уж просто были наши герои тридцатых годов. Нет, крепко думали они о жизни. Да, именно думали, как лучше эту жизнь сделать, чтобы людям хорошо на этом свете жилось. Думали, действуя, живя, любя, осуществляя на деле то, о чем думали.

А разве это так плохо — не только рассуждать (а у нас сегодня на экране мышление порой сводится именно к рассуждению), но и делать то, о чем думаешь, мыслить?

Мне кажется, с самого начала неверна эта посылка — отделять разум от физического действия, чистоту интеллекта от красоты труда человеческого. Неотделимы они — вот в чем штука! И поэтому несостоятельными кажутся мне нынешние потуги иных уже очень следящих за модой современных практиков кино — их стремление выделить интеллект в некоем вред ли реально существующем чистом виде. То же, что сегодня иные вкладывают в слово «думать», кажется мне каким-то уж очень куцым, до неосязаемости.

Я всегда думал и продолжаю думать сейчас, что **кино — искусство мобилизующее**. Быть может, потому, что мне пришлось сниматься в таких картинах военного времени, как «Парень из нашего города», «Малахов курган» или даже просто в «Боевых киносорбниках», которые поистине становились оружием в борьбе. Но ведь и такая картина мирного времени, как «Трактористы» И. Пырьева, тоже сыграла мобилизующую роль: после нее сотни и тысячи молодых ребят пошли на работу в деревню.

С тех пор, как я играл моего Климата Яркого, прошло больше тридцати лет. Но разве неинтересно было бы проследить жизнь такого Климата Яркого в зрелом возрасте, в моем возрасте? Что с ним стало сейчас? Чем занимается? Каких людей воспитал?

Ведь струнка-то в нем осталась прежняя, беспокойная, огонь не погас.

Вы понимаете, вероятно, что я имею в виду не конкретно именно его, а человека его масштаба, его настроения, его поколения. Ведь мы, те, кто играл таких героев, по сути, прожили вместе со страной всю ее жизнь. Вместе с Сергеем Лукиным ушли на фронт. Вместе с теми, кто выжил, потом восстанавливали страну. То есть вместе с героем прошли всю его жизнь — жизнь ровесника революции. Сегодня это то поколение людей, которое руководит страной, воспитывает ее молодое поколение, ведет ее в будущий день.

Вот о таком человеке хотелось бы рассказать. О человеке действия, а не только слова. Такого героя сыграть — красивого и доброго человека.

На все эти мысли натолкнули меня встречи на КамАЗе.

Думалось: почему все-таки так трудятся эти люди? А разве в прежние времена не трудились? Разве не любовью к труду, не выносливостью и терпением всегда был славен русский человек? Ведь и на Прохорова работали на Трехгорке. Да еще как работали! Но что двигало людьми? Страх. Страх потерять кусок хлеба, место, крышу над головой. А страх — это не лучший двигатель в труде. Вот и получалась в результате не жизнь, а прохоровская казарма. Такой и вспоминают прежнюю Трехгорку, с которой началась моя трудовая деятельность, старые мастера.

Здесь же — творческий труд. Здесь каждый себе художник. Здесь каждый стремится не просто получить за работу, но увидеть плоды своего труда.

Плоды своего труда... Я иногда думаю — удивительное, наверное, это впечатление, когда художник видит на людях, на простеньком ситце созданный им когда-то рисунок. Он уже и забыл о нем, а его подсолнухи и одуванчики гуляют по свету. Такое же «увство испытываешь, когда слышишь на улице песню, напетую тобой на экране, видишь, что герои твои все еще живут в сердцах, в памяти людской.

Плоды твоего труда... О них думаешь, о них мечтаешь, когда стоишь поедине гигантского человеческого общечеловеческого общечеловеческого общечеловеческого КамАЗом. А вокруг, насколько хватает глаз, — величавая природа. И где же еще учиться мужеству, как не здесь, где люди живут в прекрасном, добром согласии, трудятся на славу и сполна получают за свой труд?

Казалось, куда-то далеко, в безбрежную даль уплывают белые паруса над Набережными Челнами.